

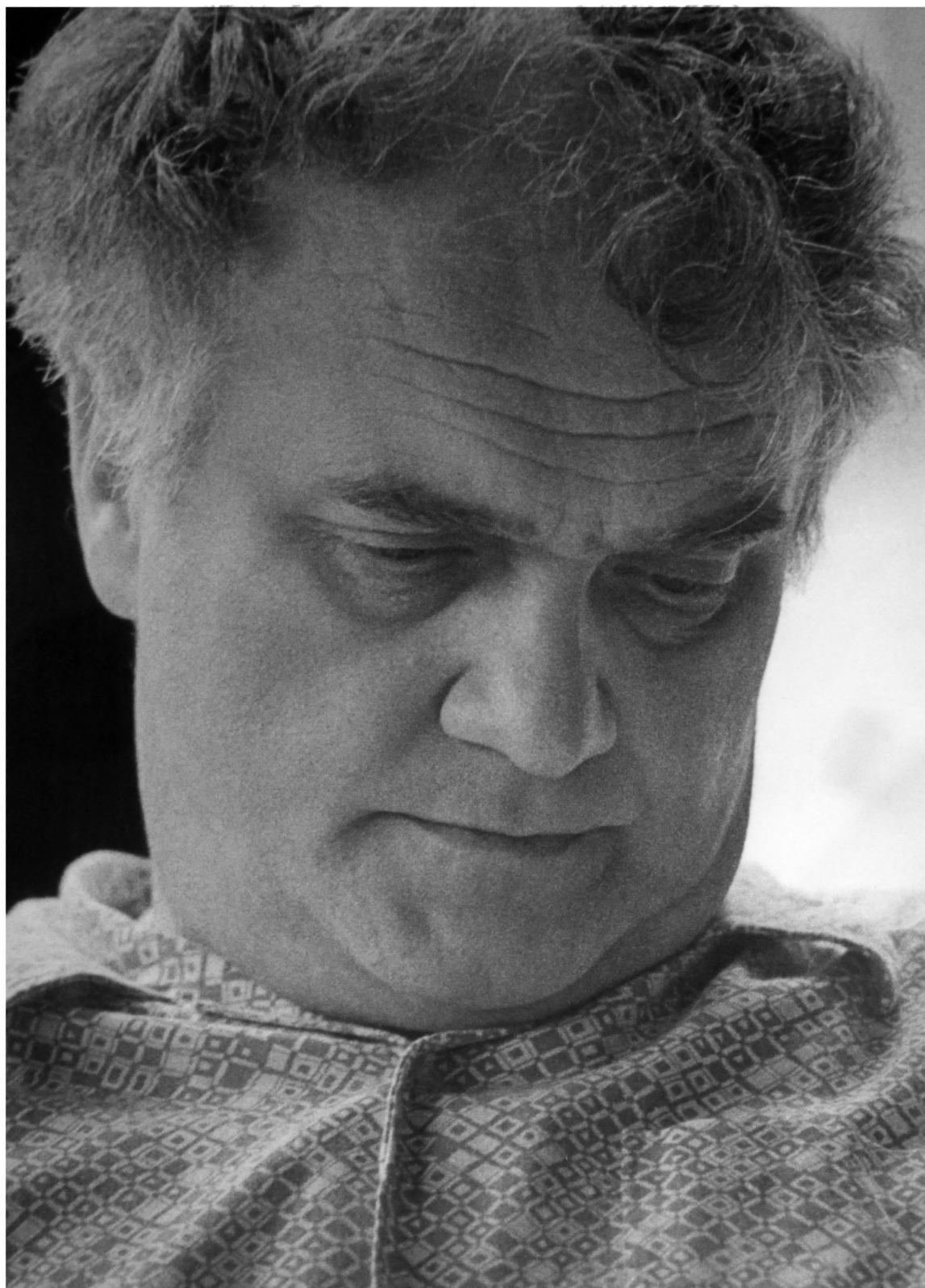

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО СЕМИОТИКЕ
И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Том II

СТАТЬИ
О РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт теории и истории мировой культуры

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО СЕМИОТИКЕ
И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Том II

Статьи о русской литературе

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)
И 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)

проект 98-06-87085

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II.
Статьи о русской литературе. – М.: Языки русской культуры,
2000. – 880 с., ил. – (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0040-8

Во второй том «Избранных трудов» входят исследования и эссе, посвященные русской литературе и ее связям с литературой мировой. Циклы статей сосредоточены на отдельных авторах – Пушкине, Гоголе, Гумилеве, Ахматовой, Пастернаке, Хлебникове, Мандельштаме, Цветаевой. Дается общий очерк развития русской литературы XX века, начиная с символизма, который рассматривается как центральное ее явление, продолженное постсимволизмом. В частности, на материале произведений Андрея Белого, Булгакова, Платонова и Ахматовой ставится вопрос о фантастическом реализме как главном выражении эпохи. Судьба неофициальной литературы и писателя-попутчика изучена на примере Всеволода Иванова – отца автора. Привлечены архивные материалы Волошина (в большом монографическом исследовании его послереволюционного периода), Хлебникова, Вс. Иванова. Серия статей посвящена характерным чертам современной прозы. В связи с анализом переводов на русский и французский языки, выполненных Цветаевой, исследуется проблематика поэтического перевода. Большинство статей написано в последние годы.

В состав данного тома входят преимущественно ранее не публиковавшиеся полностью или существенно переработанные статьи, посвященные русской литературе. Приведены указатели к обоим томам.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153), E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0040-8

9 785785 900400 >

© Вяч. Вс. Иванов, 2000

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Современность поэтики Державина	10
Заметки на полях текстов Пушкина	24
На языке Лицея	28
Два демона (беса) и два ангела у Пушкина	34
Откуда черпал образы Пушкин — футуролог и историк?	47
Об изоморфизме двух поздних стихотворений Пушкина («Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» и «Из Пиндемонти»).....	55
К исследованию архаизмов в «Памятнике» Пушкина	62
Об одной параллели к гоголевскому Вию	68
Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию»	78
О композиционной роли фамилий героев у Достоевского. Смердяков	105
Повести Константина Леонтьева о православных на юго-востоке Европы и борьба с европейским неогуманизмом	110
О взаимоотношении символизма, предсимволизма и постсимволизма в русской литературе и культуре конца XIX — начала XX века	120
Стихи Блока об Италии	123
Блок и Стриндберг	126
Об Анненском	149
Волошин как человек духа	155
Постсимволизм и Кузмин	201
1913 год. Триптих	204
Теоретическая поэтика Гумилева в литературном контексте 1910-х годов	215
Звездная вспышка (Поэтический мир Н. С. Гумилева)	220
Ахматова и категория времени	246
«Поэма без героя». Поэтика поздней Ахматовой и фантастический реализм	249
К истолкованию стихотворения Ахматовой «Всею обещаньям вопреки»	253

Ахматова и Пастернак. Основные проблемы изучения их литературных взаимоотношений	255
Заметки к истолкованию пастернаковских текстов	267
Литературные параллели кавказским стихам Пастернака	278
Два образа Африки в русской литературе начала XX века: Африканские стихи Гумилева и «Ка» Хлебникова	287
Заумь и театр абсурда у Хлебникова и обэриутов в свете современной лингвистической теории	326
Хлебников и наука	342
Хлебников и типология авангарда XX века	399
Михайль Семенко: украинская поэзия авангарда XX века	407
Михайль Семенко. Поезіі	415
Маяковский, Ницше и Аполлинер	420
«Вы помните, как бегуны...»: Данте, Мандельштам и Элиот	423
Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама	435
Современность античности. «Черное солнце» Федры	442
«Стихи о неизвестном солдате» в контексте мировой поэзии	449
О смехе над смертью	459
Литература «попутчиков» и неофициальная литература	465
Судьбы серапионовых братьев и путь Всеволода Иванова	482
Лунц и Мандельштам: фабула у серапионовых братьев	498
«И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г.)	504
О «Тайном тайных» Всеволода Иванова	513
Из архива Всеволода Иванова: работа над пьесой об убийстве Павла Первого	520
Почему Сталин убил Горького?	545
Праздник	582
Жанры исторического повествования и место романа с ключом в русской советской прозе 1920—1930-х годов	596
Соотношение исторической прозы и документального романа с ключом: «Сумасшедший корабль» Ольги Форш и ее «Современники»	614
Заметки о формальной школе и Ю. Н. Тынянове	626
Профессор Коробкин и профессор Бугаев. К жанровой характеристике романа «Москва» Андрея Белого	629
Андрей Платонов и Чапек: фантастический реализм	645
«Поэма воздуха» Цветаевой и образ семи небес	649
Из заметок о поэтике Норвида. Норвид и Цветаева	650
О переводах Марины Цветаевой	654
О цветаевских переводах песни из «Пира во время чумы» и «Бесов» Пушкина	664

О языковых причинах трудностей перевода художественного текста	685
Русская диаспора: язык и литература	697
Черт у Набокова и Булгакова	707
Дружить с Поплавским	714
О романе Фридриха Горенштейна «Псалом»	726
Трудные дороги С. И. Липкина	734
Аввакумова доля	738
Взгляд на русский роман в 1992 году	745
О книге Андрея Битова «Жизнь без нас»	762
Бродский и метафизическая поэзия	768
Иллюстрации	778
Указатели к томам I и II	
<i>Предметный указатель</i>	787
<i>Именной указатель</i>	821
<i>Указатель названий литературных, научных, фольклорных, мифологических сочинений и произведений искусства</i>	842
<i>Лингвистический указатель форм, слов и фраз</i>	867
Список замеченных в томе I опечаток, пропусков и ошибок	879

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этот (второй) том избранных сочинений вошли статьи о русской литературе и ее связях с мировой; рассмотрены и такие писатели других литератур, которые, как украинский поэт Семенко, биографически и творчески особенно тесно связаны с русской традицией. Часть более специальных работ по стиховедению и сравнительному литературоведению отнесена к следующему тому. В настоящем томе наряду с монографическими статьями, более подробно исследующими отдельного писателя или его сочинение, помещены и статьи других жанров, обращенные к широкому читателю. Книга рассматривается как единое целое; поэтому в статьях общего характера формулируются положения, более подробно развитые в отдельных частных исследованиях. При этом нельзя было избежать повторов, представлявшихся необходимыми для связности изложения в целом. Хотя некоторыми из изучаемых авторов (например, Пушкиным и Хлебниковым) я увлекся в самые молодые годы, в предлагаемое собрание включены преимущественно статьи последних двадцати лет. В тех случаях, когда со времени написания статьи появились новые точки зрения, требующие обсуждения, я добавлял постскриптумы.

Моя жизнь прошла в самом непосредственном соседстве с иными из тех, о ком я пишу. Я старался не сбиваться на тон воспоминаний, тем более что одновременно с подготовкой тома к изданию работал и над более пространным текстом мемуарной книги «Голубой зверь», которая может быть в журнальном варианте знакома читателю по петербургской «Звезде». Но несомненно, что личная нота слышится во многих статьях, касающихся литературы нашего века. Я несколько ее не избегал, полагая неправильным искусственно обособлять литературу от жизненного опыта, в ней сказавшегося и ее обеспечивающего золотым запасом.

СОВРЕМЕННОСТЬ ПОЭТИКИ Державина

Точка зрения, с которой Державин и его поэтика рассматриваются в настоящем сообщении, отличается от принятой в обычных литературоведческих работах. В этих последних поэзия Державина изучается либо диахронически в историческом (литературном, культурном, социальном) контексте его времени, либо синхронно (или, точнее, панхронически) как имманентная вневременная структура, управляемая лишь своими собственными законами. Когда же мы подходим к Державину с мерилами поэзии XX в., мы сознательно искажаем временную или вневременную перспективу, подчиняя наше восприятие условностям, принятым в эту историческую эпоху. Наш метод перестает стремиться к системности: мы позволяем себе вырывать отдельные части или признаки из целостного текста, если они обнаруживают сходство с сочинениями значительно более поздней эпохи. В творчестве современных поэтов могут найти продолжение и развитие те черты поэтики, которые отнюдь не были определяющими в то время, когда автор писал. Но поэзия прошлого, в той мере, в которой она продолжает читаться и влиять на современных поэтов, может оставаться живой именно благодаря подобному искажению. В этом и состоит то перетолкование классиков, которым горячая культура с постоянным поиском нового, отличного от уже сказанного и сделанного, отличается от культуры холодной, воспроизводящей наследие прошлого по возможности без изменений.

В первой четверти нашего века появилась целая серия статей, авторы которых стремились заново открыть Державина и приблизить его к современному читателю (часть из них была приурочена к столетию со дня смерти поэта, отмеченному в 1916 г.). Показательно, что все эти статьи (Б. А. Садовского, 1910; Б. А. Грифцова, 1914; В. Ф. Ходасевича, 1916; Ю. И. Айхенвальда, 1916; Б. М. Эйхенбаума, 1916) вместе с более поздней короткой заметкой П. М. Бицилли (1931) теперь перепечатаны в качестве приложения к первому российскому изданию ходасевичевской биографии Державина (Ходасевич 1988, с. 272—316), впервые вышедшей в эмиграции в 1931 г.

Замечательная книга Ходасевича, как и предыдущая его статья о Державине, быть может, всего больше значила для оживления интереса к Державину у более широкой интеллигентной читательской публики.

Из формалистов Державиным в духе предлагаемого подхода занялся после Эйхенбаума Тынянов в своей статье об оде как ораторском жанре (Тынянов 1929; статья написана в 1924 г.). На рубеже 1930-х годов изучению некоторых сторон поэзии Державина, созвучных литературе нашего века, способствовало и первое блистательное исследование Гуковского (Гуковский 1927/1971, с. 183—201), частично продолженное (хотя и в более трудных условиях цензурирования и редактирования) и в его позднейшем учебнике литературы XVIII-го века, и в других работах, где он касался «эмпирических открытий Державина» (Гуковский 1965, с. 208; Гуковский 1933; 1935).

Из разговоров с Иосифом Бродским еще до эмиграции я знаю, что его тогда занимал классицизм, который он называл великолепным «приемом» (этот последний формалистический термин он применял столь же широко, как Ахматова, и, возможно, не без ее влияния). В первый год после эмиграции он просил прислать ему старую русскую литературу о классицизме. Поэтому его стихи на смерть Жукова, на Норвичском симпозиуме по Державину в 1994 г. изученные в сопоставлении с державинским «Снигирем» в докладе Вадима Ляпунова, можно рассматривать как пример классицистической интерпретации державинского слога. Это сказалось и в словаре стихов Бродского, при наличии отмеченного Ляпуновым державиноподобного вульгаризма «прахоря», в целом более подчеркнуто возвышенном, чем в стихотворении Державина (ср.: эпитет «пламенный Жуков» при более просторечном «Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?»); церковнославянизмы «десница» и «пред коим»; псевдоклассицистическое клише «поглотит алчная Лета», рифмующееся с архаическим «лепта», ср. в оде Державина на смерть Мещерского: «Глокает царства алчна смерть»), и в ритме: державинское стихотворение выдержано в новом для русского стиха логоэдическом размере при дактиле (более обычном метре) лишь в одной строке, тогда как у Бродского из 30 строк 13 (43,3%, т. е. почти половина) — правильный дактиль (ср. Эткинд 1989, с. 24), в основном в последней и предпоследней строках, на каждую из которых приходится по 4 дактилических строки при 2 таких строках в двух первых строках и одной в серединной третьей строфе, выделяющейся и тематически; у Бродского упрощена и строфическая структура текста (превращенного в подобие шестистишия октавы без заключительного двестишия с небольшими вариациями) при удлинении его. Прямое словарное совпадение в обоих стихотворениях представляет собой традиционную классицистическую аллегорю: «меч закаляя» у Державина, «меч был вражьих тупей» у Бродского. «Правое дело» у Бродского представляет собой интересный пример церковнославянизма, широко использовавшегося в официальной советской лексике военного времени начиная с окончания речи Молотова 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое» (отсюда и название романа Василия Гроссмана «За правое дело»), — но у Бродского «правый»

в этом сочетании соотнесено с этимологически равнозначной основой слова «десница», что создает скрытую игру значений. В классицистическом духе выдержан и набор древних полководцев, с которыми сравнивается Жуков.

Другим примером недавнего стихотворения известного русского современного поэта, построенного по образцу державинского и следующего его размеру и слогу, является послание С. И. Липкина «Вячеславу. Жизнь Переделкинская», задуманное как вариация на тему «Евгению. Жизнь Званская» (стихотворение написано в конце 1970-х годов, когда Липкин был в опале после его выхода из Союза писателей, оно напечатано позже, уже во время реформ, впервые в «Новом мире»). В качестве адресата был выбран автор настоящего сообщения, главным образом потому что он остался одним из немногих свидетелей истории Переделкина (начиная со времени основания в нем писательского городка осенью 1935-го года) и биографий живших в нем писателей. В отличие от державинского стихотворения послание Липкина сосредоточено на истории местности и на судьбах таких ее обитателей, как Пильняк и Пастернак (а также литературовед Степанов, на даче вдовы которого Липкин в ту пору жил, что и создает метонимическую пространственную связь между поэтом и местностью, как в «Жизни Званской»). Делая жанр моей статьи еще более необычным и соединяя в себе адресата стихотворения и его исследователя, я могу поделиться с читателями и воспоминаниями о времени, когда С. И. Липкин собирал материалы для написания стихотворения. Он расспрашивал меня о прежних жителях Переделкина. Его поэтическое преобразование моих рассказов, в частности о Пастернаке, отличается креном в сентиментальность: так, добавлена деталь сочувствия Пастернака к больному мальчику. Если пользоваться обычной литературоведческой терминологией, можно сказать, что в тематике и образах послания Державин осмыслен в преромантическом ключе. Стилистика и стих во многом напоминают последержавинскую пушкинскую традицию, к которой Липкин близок и в других стихах. Ориентация на Державина для Липкина в этом стихотворении скорее знак его относительной (по сравнению с поэтами авангарда) традиционности, а не специфического следования именно Державину (как для Бродского Державин прежде всего классицист). Если же говорить о поэзии Липкина в целом, ближе всего ему ода Державина «Бог».

Третьим современным нам сочинением, в котором Державин играет определяющую роль, является стихотворение Давида Самойлова, где речь идет о передаче поэтической эстафеты поколений. Державин, подробно и по-домашнему описанный в стихотворении, «лиры не передавал» поколению Самойлова (поэтическим подтекстом кроме пушкинского «старика Державина» здесь может служить державинское «Тебе в наследие, Жуковский, / Я ветху лиру отдаю»). Игровое построение стихо-

творения, которое написано в ключе глазковской ироничности, делает его по сути близким поэзии Державина.

После этого краткого перечня некоторых из современных стихов, прямо связанных с державинской поэзией, остановимся на значении Державина для крупнейших поэтов первой половины века.

Лучше всего этот вопрос изучен на примере «Грифельной оды» Мандельштама. Не подлежит сомнению, что последнее восьмистишие Державина много значило и для этого сочинения Мандельштама, и для всего того периода, когда он следует одновременно и за Хлебниковым, и за ему созвучными поэтами XVIII-го века. Это восьмистишие отразилось в заглавии «Грифельной оды» и в ее ямбическом метре. Мандельштам дважды отмечает эту незаконченную оду Державина (приводимую с ошибкой, следовательно, цитируемую по памяти: Мандельштам знал ее наизусть) как важное событие в статьях начала 1920-х годов, по времени написания близких к его собственной «Грифельной оде». Кратко об этом сказано в статье «Слово и культура», подробнее в эссе «Девятнадцатый век». Согласно формулировке последней работы, на «ржавом языке» XVIII-го столетия Державин выразил новую мысль, которую Мандельштам определит как «релятивизм». Мандельштам с его постоянным упором на исторический смысл занимает не столько «ржавый язык» Державина, подражать которому у него не было потребности, сколько суть его провидений. След перечитывания Державина или постоянного размышления о нем есть и в более поздних стихах Мандельштама пред-воронежского времени: «Стихи о русской поэзии» открываются ироническим описанием Державина в духе его собственных автопортретов (отмечается его хитрость и татарское происхождение: обе темы присутствуют у самого Державина). К ним восходит почти семейный характер описания поэта («Ты у нас хитрее лиса»); Державин для Мандельштама прежде всего живой человек, как и другие его любимые поэты, в этом смысле к позднему мандельштамовскому стихотворению примыкают упомянутые выше стихи Давида Самойлова. У Мандельштама следование за Державиным во всех случаях смысловое прежде всего. На то Мандельштам и был великим поэтом, чтобы не имитировать слог Державина, ему представлявшийся отжившим свой век, а вместе с ним заглядывать в будущее (пусть иногда злоецее), приоткрывшееся им обоим.

Любопытно, что новым Державиным называет Мандельштам Цветаева в прощальных стихах, обращенных к нему уже в 1916 г. Сама она заинтересовалась русской поэзией XVIII в. позже. Но эпитафия (приведенный с сокращениями и упрощением, скорее всего, на память) из трактата Третьяковского к «Первой тетрадке» ее стихов, написанных на чужбине (Цветаева 1983, с. 434), говорит о том, что уже с начала 1920-х годов (если не раньше) ее чтение идет в этом направлении. Остановлюсь на одном позднем стихотворении Цветаевой, с этой точки зрения показав-

тельном. Это — второе стихотворение цикла «Надгробие», посвященное памяти Гронского. Оно, безусловно, связано с державинской одой «На смерть князя Мещерского» (независимо от автора на это обратил внимание Вадим Ляпунов в уже упоминавшемся докладе о различиях двух поэтов в этих стихотворениях; см. также: С. Ельницкая 1990, с. 345). В частности, вторую и третью строфы стихотворения Цветаевой со строками:

... Там нет тебя — и нет тебя.
 ... Кость слишком кость, дух слишком дух.
 Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?
 Там — слишком там, здесь — слишком здесь, —
 (Цветаева 1983, с. 182)

можно считать развитием двух строк державинской оды:

Здесь персть твоя, а духа нет.
 Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.

У Державина даны те же антитезы *здесь — там, дух — персть* (у Цветаевой в том же символическом значении используется слово «кость», фонетическим исходом совпадающее с «персть»; в державинском употреблении слова «дух» можно предположить связь с современной ему терминологией журнальных философских статей, в частности масонских) и такая же последовательность вопросов, начинающихся с «где» и относящихся к «здесь» и «там». Кроме сходства или даже тождества темы и риторического построения вопросов и антитез обращает на себя внимание и одинаковый принцип ритмико-синтаксического членения. В своем интересном подробном разборе стихотворения Цветаевой Ю. М. Лотман уже обратил внимание на то, что строку «Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?» можно интерпретировать как «уникальную — построенную на четырех спондеях» (Лотман 1972, с. 241, примеч. 1): $\acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} /$ (в качестве альтернативной ритмической интерпретации Лотман предлагает несколько искусственную схему: $\acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} /$ (там же, с. 241); очевидно, эта схема навеяна четырьмя другими строками стихотворения, имеющими такую ритмическую форму, но представляется невозможным доказать безударность «где» в следующих стопах строки при ударности этого же слова в ее начале и после цезуры в середине строки). Если в этой строке в соответствии с предположением Лотмана есть четыре спондея при полноударности метрически сильных слогов, то всего ударных односложных слов в ней 8 и все слоги ударны.

Достаточно близкий ритм со спондеями на всех метрически слабых слогах кроме 5-го (и, может быть, первого?) обнаруживается в строке «Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть»: $\acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} / \acute{u} / \grave{u} /$ (в схеме Лотмана в этом месте опечатка). В 4 других полноударных строках

спондей использован, наоборот, только на первом слоге каждого из двух полуступиций и общее число ударных слогов — 6: $\acute{u} / \acute{u} \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} /$ (ср. схемы в статье Лотмана, с. 241):

Кость — слишком кость, дух — слишком дух.

Там — слишком там, здесь — слишком здесь.

Здесь — слишком здесь, там — слишком там.

Бог — слишком Бог, червь — слишком червь.

Тот же Лотман видит в последней строке «полемику с Псалтырью и всей русской традицией истолкования знаменитого седьмого стиха из 21 псалма» (Лотман 1972, с. 244—245; ср.: Лотман 1964, с. 166—167). Но прежде всего Цветаева могла иметь в виду вторую половину державинской строки из оды «Бог»:

Я царь — я раб; я червь — я Бог!

Строка Державина допускает интерпретацию как полноударная с четырьмя спондеями, т. е. с 8 ударными односложными словами:

$\acute{u} / \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} / \acute{u} /$.

В этом случае ее ритмическая форма в точности совпадает с ритмом приведенной выше строки Цветаевой «Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?». Последняя перестает быть полностью уникальной и становится в один ряд с державинской строкой (ср. в других стихах Цветаевой бесспорные примеры той же ритмической формы: «Конь — хром, Меч — ржав, Плащ — стар, Стан — прям» из стих. «Возвращение вождя», сборник «Ремесло»). Ритмическое совпадение Державина и Цветаевой разительно.

Представляется, таким образом, что в двух одах Державина, «На смерть князя Мещерского» и «Бог», и в цитированном стихотворении Цветаевой совпадают не только тема и ее риторическое выявление, но и особый ритм, появляющийся именно в ключевых риторических построениях. В целом подобные стихи Цветаевой отличаются повышенной ударностью: в цитированном стихотворении из цикла «Надгробие» всего 214 слогов, из них 102 ударные, т. е. ударение есть почти на половине слогов, хотя многие метрически сильные слоги безударны. Державинский четырехстопный ямб отличается систематическим использованием спондеев. Они не ограничиваются начальным положением в строке, где спондеи возможны и в последующей традиции. Ритмические новшества Державина и Цветаевой заставляют напомнить о примере Хопкинса, который не только широко применил сходные ритмические построения в

английской поэзии (до него только намечавшиеся), но и предложил для них интересное теоретическое объяснение; для русской метрики подобный труд еще впереди. Можно думать, что термины типа «спондей» в комбинации с метрическими концепциями, унаследованными от Тредьяковского и Ломоносова, могут оказаться недостаточными для адекватного описания ритмических новшеств Державина, развитых Цветаевой. Если справедливо предположение, что спондеи — как бы след державинского ритмического воздействия, то можно было бы продолжить эту интерпретацию и для строки «Грифельной оды»: «Плод нарывал. Зрел виноград». В ней представлена ритмическая фигура $\acute{u}/-u\acute{'}/u\acute{'}-u\acute{'}/$, т. е. ударение дважды (в начале каждого из обоих полустипий) смещается на предшествующий слог.

Соединение ударных односложных слов в разных метрических позициях (не только сильных, но и слабых) характерно не только для четырехстопных ямбов Державина. Сочетание таких слов встречается и в его метрических экспериментах, напоминающих опыты чисто акцентного (тонического, но не силлабического) стиха у Маяковского (но также и Мандельштама) типа «Дней бык пег»:

Лей свет в тьму!

Приведенная строка у Державина рифмуется с непосредственно предшествующей обычной трехстопной-амфибрахической:

Умей подражать ты ему.

Сочетание принципиально разных по числу слогов соседних строк с одинаковым числом ударных слогов и позволяет сравнить стих Державина и Маяковского. Занятно, что этот метрический принцип у Державина выступает в стихах, которые и тематически (сравнение поэта с солнцем) достаточно близки Маяковскому (о синтаксических и словообразовательных сходствах обоих поэтов см.: Эткинд 1985, с. 379; 1989, с. 23). Не раз сочувственно цитировалось (см., например: Серман 1969, с. 43) справедливое наблюдение Тынянова (Тынянов 1929, с. 553) о возрождении у Маяковского державинского грандиозного образа. Грандиозности тропа (например, развернутого уподобления поэта солнцу) вторит и акцентный стих, выделяющий односложные слова (место этого приема среди поэтических образов Маяковского было раскрыто еще в ранней работе Романа Якобсона). Но речь идет скорее о параллельном развитии по спирали, чем о влиянии Державина на Маяковского. Мы лучше воспринимаем грандиозные образы Державина с их космической конкретностью (напомню хотя бы поразительность его «седин дряхлеющей вселенной», ср. также о колоссальности образов Державина: Гуковский 1927, с. 201)

и его ритмические новшества потому, что они нам напоминают сделанное много лет спустя Маяковским, но воздействие одного поэта на другого остается проблематичным. Что же касается носителя или воскресителя державинской одической традиции в самом широком смысле слова в первой половине нашего века, на право выполнить эту миссию в равной мере кроме Маяковского могли бы претендовать и Мандельштам, и Цветаева. Из них Мандельштаму с его ориентацией на акмеистическую вещность предметных образов в стихе и специфической любовью к «барбизонской» живописности кажется особенно близкой «говорящая живопись» державинской поэзии. Но и здесь соперником может быть Маяковский, которому хотелось, чтобы его стих явился «весомо, грубо, зримо». Это объединение вокруг Державина поэтов, казалось бы, совершенно различных направлений не случайно: ретроспективно различия между разными постсимволистскими школами представляются значительно менее существенными, чем далеко идущие сходства между их важнейшими представителями.

Начало возрождения торжественного стиля, близкого к одическому, можно видеть уже у таких поэтов-символистов, как Брюсов и Вячеслав Иванов. То обстоятельство, что сравнение с поэзией Державина кажется особенно возможным именно в тех случаях, когда постсимволистская поэзия обнаруживает отчетливую связь с архаикой символистов, наглядно выступает при сравнении державинского «Лебедя» с ранним стихотворением Пастернака «Я рос. Меня как Ганимеда». Совпадает основной образ поэта, вознесенного над миром как парящий лебедь. Наличие прототипа в оде Горация у Державина и в греческом мифе о Ганимеде, особенно занимавшем Пастернака (как видно из его «Охранной грамоты»), позволяет говорить об общности стилистических черт, связанных с ориентацией на античность и в этом широком смысле классицистических.

Из черт ритмики Державина, напоминающих поэзию XX в. начиная с Блока и Андрея Белого и уже с этой точки зрения частично изучавшихся Андреем Белым, Тарановским, Гаспаровым и другими стиховедами, следует отметить употребление пиррихий в четырехстопном ямбе, статистически более близкое к теоретической модели ямба (т. е. к реальным возможностям русского языка), чем традиционный послепушкинский стих. Например, из 20 строк из стихов Державина «На счастье», удачно приводимых И. Смирновым для доказательства близости поэтики Державина и Заболоцкого (Смирнов 1969, с. 157), 2 (10%, в соответствии с теоретической моделью) представляют собой редкую для послепушкинской традиции форму с пиррихиями на второй и третьей стопах:

Политика и правосудье...
Как полюсы, меридианы...

Обращает на себя внимание характер лексики в этих строках, предельно близкий к современному языку.

Менее ясны случаи, где у Державина вероятны пиррихии одновременно на первой и второй стопе, как было давно мной предположено (Иванов 1947) для строки «И что не из чужих анбаров», где, однако, на «что» возможно ударение.

Современность державинской рифмы отмечалась и в специальных исследованиях (Западов 1969, с. 91, где в этой связи обращено внимание на неслучайность совпадений с Цветаевой), и в работах общего характера по истории русской рифмы (Самойлова, Гаспарова). Для сопоставления с рифмой, канонизированной молодыми поэтами 1960-х годов, особенно интересны державинские рифмы, в которых согласные фонемы отличаются одним различительным признаком (как *душ — туч*), а также рифмы с обратным порядком элементов (*водном — бездонном*) и стихи с сознательным отсутствием рифмы (о последнем явлении в поэзии XVIII в. ср.: Гуковский 1927). Еще более обычны сравнения звукописи (намеренно благозвучной, как у символистов, использующей в качестве приметы поэтического языка особую роль плавных фонем, теоретически обоснованную Л. П. Якубинским, или столь же сознательно резкой, как у футуристов) у Державина и поэтов нашего века.

Из близких Хлебникову и другим русским футуристам специальных языковых приемов, известных и у других поэтов XVIII в., но у Державина проводимых особенно последовательно, отметим «наклонение», строящееся на повторе одной и той же основы (Гуковский 1927): «пиры пируют»; «буруют бури»; «царя, / Цариц, царевичей, царевен»; «И гул глухой в глуши гудет»; «Как гром, гремящий по громам» (в двух последних прием соединяется со звукописью).

Среди причин, вызвавших интерес к Державину у поэтов первой половины нашего века, немаловажную роль играло его вольное обращение с языком. Мандельштам, видевший суть эксперимента Хлебникова и молодого Пастернака в обмирщении языка, т. е. разгрузке его от избыточных церковнославянизмов, не мог не заинтересоваться отчасти сходными чертами у Державина. Одно из главных отличий Державина от таких его предшественников в одическом жанре, как Ломоносов, продолжавших влиять и на поэтов пушкинской поры, заключалось в освобождении от догматического следования системе трех штилей. У Державина можно найти примеры использования в стихах незамысловатой разговорной речи:

Встал я и, держась за стенку,
Шел на цыпках...

Особое место Державина в русской поэзии связано с его «дикостью» (о чем упоминал в своей статье и Бицилли). Он не был причесан на

общий лад, эта его растерзанность показалась занимательной тем поэтам, которые хотели уйти от гладких подражаний Пушкину. В этом смысле крайне интересно соотношение Державина и Тютчева, на что обратил внимание еще Тынянов (Тынянов 1929). Некоторые стихи Тютчева прямо продолжают поэтику Державина. В качестве примера можно привести трехстопные ямбы, описывающие времена года олицетворениями с использованием просторечия. Державинское «Желание зимы» является прообразом аналогичного стихотворения Тютчева (ср. у Державина: «Осень, баба злая...»). Третьим поэтом в том же ряду может быть молодой Случевский. Те его стихи, которые были отмечены Аполлоном Григорьевым, явственно примыкают к той же линии, существенно отличной от традиционной послепушкинской.

Кажется вероятным, что и Фет в наиболее новаторских философских стихах, где угадываются контуры будущего русского символизма, использовал державинское наследие. Недаром его «бездна эфира» восходит к «Ласточке» Державина.

Разумеется, отдельных совпадающих строк и поэтических формул у Пушкина и у Державина очень много (их полный перечень еще не составлен, среди других упомяну, например: «Языком сердца говори» у Державина — «Языком сердца говорю» у Пушкина; «Блажен, кто менее зависит от людей» у Державина — «Зависеть от царя, зависеть от народа» у Пушкина; «Приди ко мне, Пленира» у Державина при аналогичном ритмически обращении к мертвой возлюбленной у Пушкина; «Напев твой яркий, голосистый» у Державина — «голос яркий соловья» у Пушкина; «Скользим мы бездны на краю» у Державина — «И бездны мрачной на краю» у Пушкина; «А я пиит — и не умру» у Державина при сознательном подражании ему в «Памятнике» Пушкина; «рождение молний и громов» на Кавказе у Державина при текстуально близком пушкинском образе; «Если по моей кончине / В скучном бесконечном сне» у Державина — «Если ранняя могила / Суждена моей весне» у Пушкина и т. д.). Но это не позволяет говорить еще о сходстве их стилистики и поэтики. Как правило, у Пушкина державинские образы и метры (иногда обозначенные эпитафиями) преобразуются, входя в иной мир, от них по сути отличный. Державин был в числе поэтов, из репертуара которых Пушкин заимствовал, но оттого близкими они не стали. Пушкина раздражало державинское косноязычие. Тютчев и многие другие следовали за теми открытиями Державина, которых для Пушкина не существовало.

Литература

Берков П. Н., Макогоненко Г. П., Серман И. З. (ред.)

- 1969 XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отделение.

Гуковский Г. А.

- 1927 Русская поэзия XVIII века (Гос. ин-т истории искусств. Вопросы поэтики. Непериодическая серия, издаваемая Отделом словесных искусств. Вып. X), Л.: Academia; также репринт: Slavische Propylaen. Texte in Neu- und Nachdrucken / Hrsg. von D. Tschizhevskij. 1971. Bd. 136.
- 1933 Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. М., т. 9—10.
- 1935 Державин // Державин Г. Р. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Л.
- 1965 Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит. (первое издание: Саратов: изд. Саратовского ун-та, 1946).

Ельницкая С.

- 1990 Поэтический мир Цветаевой (Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 30), Wien.

Западов В. А.

- 1969 Державин и русская рифма XVIII века // Берков П. Н., Макогоненко Г. П., Серман И. З. Указ. соч., с. 54—91.

Иванов Вяч. Вс.

- 1947 Сравнительный анализ оды 1747 г. Ломоносова и «Фелицы» Державина (курсовая работа, семинар В. Д. Дувакина по анализу художественных произведений, Московский ун-т им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т). Рукопись.

Лотман Ю. М.

- 1964 С кем же полемизировал Пнин в оде «Человек»? // Русская лит-ра, № 2, с. 166—168.
- 1972 Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение. Ленингр. отделение.

Серман И. З.

- 1969 Литературная позиция Державина // Берков П. Н., Макогоненко Г. П., Серман И. З. Указ. соч., с. 41—53.

Смирнов И. П.

- 1969 Заболоцкий и Державин // Берков П. Н., Макогоненко Г. П., Серман И. З. Указ. соч., с. 144—161.